

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Впервые в памяти многих он появился в образе Сильвы, простецкого, нагловатого парня из телефильма «Старший сын». Но еще до этого по экранам страны прошла кинолента «Поезд памяти». Этот получасовой фильм рассказывал о событиях в Чили. Необычность его — в отсутствии актеров: только рисунки и песни на стихи Пабло Неруды. Исполнители песен Алиса Фрейндлих и Михаил Боярский. Их голоса как бы приблизились к нам, дали ощутить всю боль чилийского народа, его горе, его трагедию. Но все же как поющий актер Боярский стал открытием в фильмах: «Мама», «Собака на сене», «Три мушкетера»... А самое-самое началось?

— Музыкой я серьезно стал заниматься, — рассказывает Михаил, — в пятилетнем возрасте. Наша семья была большой и театральной. Мама, папа, тетя, дядя, брат — все актеры. Естественно, детство прошло в театре. Вдыхал запах кулис и был счастлив. Мама же мечтала видеть меня на сцене только в качестве пианиста.

В семь лет специальная музыкальная школа при Ленинградском консерватории. Параллельно учил сольфеджио и дробь, а в паузах занимался в театре. Мы ставили спектакли, капустники... Потом поступил в театральный институт. Эти годы «показывался» во многих театрах, но ни в один из них меня не принимали. Совершенно случайно попал к режиссеру Игорю Петровичу Владимирову, поскольку нужен был актер, владеющий гитарой и немного поющий. Вот так, за несколько часов до распределения, я оказался в театре имени Ленсовета, где и работаю по сей день.

— И вот первый выход на профессиональную сцену...

— Это было в массовке спектакля «Преступление и наказание». Помню, ужасно волновался, ведь мне предстояло крикнуть два слова: «Ишь, нахлестался». Крикнул. Получилось... Обратили внимание. А потом была маленькая незаметная роль — парня с гитарой: актер, который играл этого парня, уходил в армию, и срочно нужна была подмена. И только потом «Дульсинея Тобосская», «Интервью в Буэнос-Айресе», «Люди и страсти», «Бременские музыканты»...

— Значит, гитара вывела «в люди» актера?

— В какой-то степени да. Музыкальное образование, если можно так выразиться, спасло меня.

— А первый фильм?

— Если в хронологическом порядке, то лет в шесть-семь снялся в фильме «Этого могло не случиться»: сыграл мальчика, который поджиг квартиру. Кинолента о противопожарной безопасности. А одна из первых более или менее крупных работ — роль предателя Тизы в молдавском фильме «Мосты». Параллельно снимался в эпизодической роли Нинарди в «Соломенной шляпке».

— А были ли сомнения, кем стать: профессиональным музыкантом, певцом или актером?

— Никогда. В классе 8-м решил: поступаю в театральный. Но пел я всегда. Сначала в хоре, потом мы организовали в школе ансамбль, в котором выступал в качестве гитариста и солиста. Тогда мы в основном пытались подражать «Битлз», пели свои песни. В одной были такие слова: «Москва, все люди знают, известная красавица. А мне мой город Ленинград все же больше нравится». С этой песней я выступал во многих клубах. Она была очень популярна. Приезжали даже в Москву. А когда ушел из школы, ансамбль распался. После этого пел лишь в студенческих капустниках. А вот когда в театре появился Геннадий Гладков, музыка которого внесла в театр Ленсовета свежую струю, запер «солино». Тогда мне и доставались роли, где больше приходилось петь, чем говорить: «Люди и страсти», «Укрощение строптивой», «Трубадур и его друзья». Я был в основном партнером Алисы Фрейндлих...

— Вот он, синтез вокала и актерского мастерства...

— Действительно, сейчас актерское пение в цене. Помните Л. Утесова, Л. Гурченко, Н. Караченцова, В. Висоцкого, В. Золотухина, В. Кислицына... Есть много актеров, которые не имеют профессионального музыкального обра-

зования, но неплохо поют. И они мне больше по душе, чем десятки бесцветных, приглашенных профессиональных исполнителей. Актерское пение отличается живостью, за каждой песней зримо стоит характер. Важней не просто красивый голос, а внутреннее отношение к происходящему.

— Гитара. Из разговора ясно, что она очень помогла в жизни. Сегодня гитарой увлекаются тысячи ребят, девченок. Но к парню с гитарой во дворе у нас отношение — одно, скажем, не очень положительное, на эстраде — другое, в походе — третье...

— Да, сегодня редкий молодой человек обходится без гитары. Правда, для некоторых это как модная куртка или майка — поносил и забыл. У меня получилось иначе. Я ничем особенно не выделялся среди ребят нашего двора — разве что видел меня с большой черной папкой для нот, с которой ходил в музыкальную школу. Случалось, этой же папкой поколачивали. Однажды вышел во двор с гитарой и что-то сыграл. Конечно, очень старался. Что удивительно, моя игра поразила ребят. Ведь всем ка-

— Я воспринимаю певца только тогда, когда гитара для него не часть реквизита, которая делает его силуэт интересней, а когда певец не может иначе выразить себя, когда он с инструментом одно целое. К гитаре нужно относиться как к чему-то, а бы сказал, святому, брать инструмент чистыми руками. А чтобы не марать честь прекрасного древнего инструмента плохой игрой, нужно учиться играть. Долго и упорно. Но самое главное, надо знать, что ты хочешь сказать окружающим.

Для меня непривлекательно «творчество» юношей, которые, не научившись толком держать в руках инструмент, начинают выступать, вызывая порой раздражение. К сожалению, они даже не понимают, как порой смешны и странны. Постоит у зеркала, сделают прическу, как у кого-то, берут гитару, и пошел. А ведь сказать-то им нечего...

Закономерно, что человек, который не умеет играть, чаще всего старается играть на публику. У него, бедного, нет ни слуха, ни знания гармонии, но ему так хочется, и он кричит под гитару, причем громче всех, а я думаю: «Бед-

На меня лично музыка действует магически. Вот звучала мелодия, и пахнуло чем-то знакомым, шестидесятыми годами: именно то звучание, именно та гармония. И я по «аромату» этой музыки вспоминаю обстановку, время года. Становишься будто моложе, «возвращаешься» к людям, от которых слышал эту мелодию. Вот как я реагирую на музыку.

— Одним словом, что бы мы ни говорили и ни думали, надо быть внимательней к ребятам с гитарой?

— Конечно. Человек берет в руки гитару, что он хочет сказать? Так важно прислушаться к нему.

— И, по-твоему, когда лучше начинать приобретать к музыкальному творчеству?

— Чем раньше ребенок начнет заниматься музыкой, тем лучше. Это заложено в существе человека — стремление успеть все, что можешь, пока молод. Конечно, общих репетитов здесь нет. Трудлюбие, страстное увлечение очень помогают. И еще нужен дух соревнования, прекрасного, творческого соревнования. Для этого необходимо, чтобы бы-

...БУДЬ ЧЕСТНЫМ ДО КОНЦА

залось, что на этом инструменте можно только бреччать. Меня зауважали. Дворовые силачи и их верные хлюсты в неимоверно расклеванных «брючатах», азартные игроки в «пристенок», вечно похвалившиеся истергтыми монетами и, в общем, тоже пытавшиеся «играть» на гитаре, в общественном мнении двора перестали быть героями: ребята заинтересовала игра на гитаре. Именно игра, то есть серьезное отношение к инструменту.

Потом на других улицах тоже появились музыканты, правда, многие из них просто били по струнам и кричали, подражая ранним «Битлам», «Роллингам». И вот, когда мне уже казалось, что я чего-то достиг, встретился парень. Он не просто умел брать аккорды, у него были свои мелодии, свои песни, свое, подчеркнута, отношение к инструменту. Этот парень стал хорошим музыкантом, у него учатся, а тогда он потихоньку ходил в музыкальную районную школу и занимался там по классу гитары у хороших преподавателей (я бы сказал, классиков). У него была постановка руки, он мог скопировать любую партию с пластинки; у него были книги о гитаре, и он очень много знал из истории инструмента, слушал записи, бывал на всех концертах гитаристов. Самое главное, он уже почувствовал вкус к творчеству.

— Начинал, как все, — во дворе. С той только разницей, что девятисто девяносто процентов потом бросаю инструмент или продолжают играть на «дворовом» или «садовом-скамеечном» уровне, подчас не развивая имеющиеся способности. Ведь для этого нужно очень много работать?

ный инструмент, как тебя мучают». Музыкант, постигающий музыкальные глубины, часами ежедневно оттачивает свое мастерство. И это тонкая, интимная, домашняя работа. Человек постепенно открывает сложный прекрасный мир музыки.

Я люблю фанатиков в работе. Перед таким человеком я преклоняюсь. И не люблю праздных потребителей. Сколько же их развелось, ребята, которые говорят: музыка — это моя жизнь. И действительно, для многих жизнь к тому и сводится, что неустанно бегать за дисками и потом дено и ночью просиживают у магнитофона и проигрывателя. Но, во-первых, слушать — не творить, и такая любовь — потребительство в голом виде. Во-вторых, любовь к музыке — только часть жизни, а не вся жизнь. А жизнь — это дело. Свое, нужное тебе и полезное людям. И если выбирать, кто мне ближе — всезнающий, но праздный меломан, или не разбирающийся в течениях современной музыки профессионал в своем деле, — то я протяну руку мастеру, творцу.

— Кстати, о фанатизме. Недавно в одном из наших городов в рукопашную столкнулись любители различных течений современной музыки. Что скажете о таком проявлении крайностей?

— Быть агрессивно-категоричным может только человек малообразованный. Как можно говорить: мне нравится только это, а, значит, и всем другим только это и должно нравиться. А если нет? Внушать кулаками? Это дикость. Человечество создало столько духовных богатств, что, отрицая все остальное, обкрадывает себя.

ло много-много кружков, курсов, фестивалей.

Закладывается все с детства. Кто-то может подумать: вот наконец мне исполнилось 18, теперь я займусь музыкой. И не знает, что «теперь» поздно.

— Как ты относишься к «медным трубам»?

— С юмором. Но признание всегда ко многому обязывает. Популярность — это не финиш, а старт. Это как трамплин. Перед тобой открываются двери многих студий, театров... Только работай. Отработай «вексель», выданный благодарной публикой. Печально, когда популярность является самоцелью. Тогда крах неизбежен.

Иногда популярность мешает в бытовых случаях — в метро, троллейбусе. Не каждый хорошо воспитан, и возникают какие-то ляпы. «Скажите, если вы Боярский, то почему черный свитер носите, у вас шея в прамах?» Иногда очень много интересного можно о себе узнать. Однажды мне рассказали, что у «него» парик, что у «него» куча детей и вообще, что «он» носит усы из-за того, что у «него» заячья губа. А анекдоты!!! Мне смешно и слушать анекдоты о самом себе, и грустно, что многих людей особенно волнует закулисная жизнь актеров.

— Как ты думаешь, почему тебя любят дети?

— Честно говоря, не знаю. Но я испытываю большое чувство благодарности к ним за их любовь, потому что детская любовь — самая бескорыстная и искренняя на свете. Их нельзя обмануть. Моего сына как-то спросили, почему он любит красный цвет. А он ответил: «Потому что виднеется». Хочется верить, что и во мне ребятам что-то виднелось.

Я часто выступаю перед детьми, но для них даже не важно, что ты поешь, им надо с тобой пообщаться. Вот если остановиться среди песни, то услышишь, как они разговаривают: шумят, здороваются, даже язык показывают. Им все интересно.

Я сам в детстве всегда был влюблен в кого-то. У детей много любви, и им нужно постоянно кого-то любить.

— Когда ты чувствуешь себя счастливым?

— Это случается, когда человек, чей авторитет для меня бесспорен, подолет и скажет: «Старик, ты сегодня славно поработал, сегодня ты был лучше». Вот тогда я счастлив, только ненадолго...

Знаешь, я убежден, что удовлетворения в искусстве нет и не может быть. Это исключено. Я думаю, что, когда придет удовлетворение, — это мой конец как артиста. Хорошо, что в искусстве нет конкретных «первых» мест.

...Да, надо и в отношении к самому себе, не говоря уже о других людях, быть честным до конца.

Ю. ФИЛИНОВ.

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО.